

*А.В. Ситко, О.М. Журавлева
(Киев, Украина)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЭПОХИ: НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТРУДОВ МАКСИМА ГРЕКА

В статье рассматривается фактор исторического времени, влияющего на формирование мировоззрения и направление деятельности переводчика как проводника ценностно-ориентированной информации. Первый профессиональный русский переводчик Преподобный Максим Грек вошел в историю переводоведения, прежде всего, как выдающийся писатель, публицист, а также как святой. Максим Грек явил пример стойкости как общечеловеческого, так и профессионального толка, оставив потомкам практические и теоретические труды в области перевода.

Ключевые слова: Преподобный Максим Грек, взаимное влияние «переводчик □ эпоха», фактор исторического времени, Толковый Псалтырь, Евангелие, Деяния Апостолов.

Переводческая деятельность в России имеет богатую историю, начало которой было положено еще во времена Киевской Руси, учитывая ее тесные политические, торговые и культурные связи с Византией, славянскими странами, Германией, Францией и странами Востока. Отсюда частые соприкосновения с иностранными языками (старословянским, среднегреческим, скандинавским, немецким, латинским, арабским и другими) и первый опыт в деле составления словарей, который получил дальнейшее развитие в эпоху Средневековья. Уже в IX веке на Руси в достаточно зрелой форме одновременно возникли письменность, литература и перевод. Начиная с XVI века, политическим и переводоведческим центром России окончательно становится Москва. Деятельность переводчиков в развитии языка и культуры получила общественное признание. В деле развития и усовершенствования переводов со среднегреческого языка, а также исправления существующих переводов, выдающуюся роль сыграл всесторонне образованный греческий монах Максим Грек. 3 февраля Православная Церковь чтит память этого выдающегося богослова, религиозного автора и переводчика XVI века. Родившийся в Константинополе, обучавшийся в Италии и подвизавшийся на Афоне, святой приехал на Русь по просьбе князя Василия III для исправления ошибок в богословских книгах. Здесь он и остался.

Вопрос о влиянии эпохи на деятельность переводчика имеет большое значение не только для биографии преподобного Максима Грека. Его рассмотрение весьма важно для выяснения того уровня образования и культуры, на котором находилось современное

Максиму общество. По словам профессора А. Иванова, в исторической литературе, особенно дореволюционного периода, господствовал взгляд на Древнюю Русь времен Максима Грека как на страну, погруженную во мрак полного невежества. В ней не видели признаков светского образования. Русский ум, по утверждению этих историков, был целиком погружен в сферу религиозных идей. Столь низкое мнение указанных выше культурных деятелей о состоянии образованности в Древней Руси объяснялось, несомненно, тем, что в их время богатые книжные рукописные сокровища не только не были изучены, но и совершенно не выявлены, оставаясь неизвестными широкому кругу образованного русского общества. Однако и после того, как с середины XIX века по инициативе и под руководством Академии наук началось довольно интенсивное собирание и изучение памятников древней русской письменности не только отдельными учеными и любителями древности, но и целыми научными обществами, взгляд на крайнюю темноту и умственную отсталость Древней Руси продолжал удерживаться как в русской, так и в зарубежной исторической науке. Так, один из самых ранних русских церковных историков архиепископ Филарет (Гумилевский) отзывался о временах Максима Грека как о «темном веке» [Филарет 1848: 112]. Точно так же В. Жмакин называл вторую половину XV и первую половину XVI веков «темным периодом» в истории русского просвещения. Он отрицал существование в то время на Руси светского образования и светской литературы. Русская мысль, по его словам, замкнута была тогда полностью в религиозную сферу [Жмакин 1881: 1-8]. Специально занимавшийся вопросом об образованности в Московском государстве конца XV–XVII вв. профессор А.С. Архангельский, не смотря на имевшееся в его распоряжении большое количество древних рукописных материалов, заявляет, что «образованность народа во всё продолжение периода XV–XVII вв. остается на самой низкой ступени, почти совершенно отсутствует» [Архангельский 1898: 2-16]. В сравнительно недавнее время известный знаток древнерусской литературы М.Н. Сперанский писал, что дело образованности во времена Максима Грека на Руси было не многим выше картины, нарисованной архиепископом Новгородским Геннадием [Сперанский 1921: 12]. На фоне указанной мрачной картины крайнего культурного невежества Древней Руси к началу XVI века большинство прежних исследователей рассматривало литературно-научную деятельность Максима Грека как «первого просветителя России, впервые познакомившего русских с началами светской науки и западной образованности» [Алексеев 1958: 12].

Однако, следует отметить, что авторы статьи поддерживают авторитетное мнение профессора А. Иванова о том, что приведенные выше мнения историков о глубоком умственном застое Древней Руси и о роли Максима Грека как первого просветителя русских не могут быть приняты в науке и требуют решительного пересмотра. Как утверждает ученый,

они построены не на тщательном изучении обширного образовательного материала, которым располагали древние русские книжники, а на отрывочных показаниях, хотя как будто и авторитетных, но довольно односторонних. Вопрос о состоянии образованности в Московской Руси XV–XVI вв. требует рассмотрения всей совокупности материалов, связанных с разными сторонами культурной жизни русского общества того времени. Здесь, прежде всего, следует напомнить, что Древняя Русь не была государством, совершенно изолированным от всего остального мира и замкнутым в самом себе. Она в той или иной степени соприкасалась с культурой соседних стран и в первую очередь с самой культурной страной в средние века – Византией [Иванов: 143].

Взаимное влияние «переводчик □ эпоха» во многом определяется степенью сформированности мировоззрения личности как источника ценностно-ориентированной информации. Непосредственное влияние на этот процесс имеют различные этапы жизненного пути. Биография преп. Максима Грека ярким примером этого.

Преп. Максим Грек родился в городе Арти около 1480 года от благочестивых и богатых родителей Мануила и Ирины Триволисов, греческого происхождения, почему и сам везде значится Грек, в миру Михаил Триволис. Дядя Михаила был дружен с Фомой Палеологом, братом византийского императора. Первоначальное образование в науках Максим получил от своего же родителя, т.к. в то время с падением Константинополя и порабощением всех греческих областей магометанами были уничтожены все училища [Петрушко]. В Константинополе, захваченном турками, продолжать обучение было невозможно, и Михаил отправился в Европу: Париж, Венецию и Флоренцию. Он изучил классические греческие науки, античную литературу, историю, философию, богословие, а также латинский, древнегреческий, французский и итальянский языки. Позже преподобный Максим писал об этом периоде: «Если бы Господь, пекущийся о спасении всех, не помиловал меня и не озарил светом Своим мысль мою, то давно погиб бы и я с находящимися там проповедниками нечестия» [Синицына 2008: 25]. В 1504 году Михаил покинул Италию и направился на Афон. Там он и принял в 1505 году иноческий постриг с именем Максим. На Афоне Максим проводил жизнь в посте, молитве и чтении сочинений святых отцов церкви. Любимой его книгой стало «Точное изложение православной веры» святого Иоанна Дамаскина. В то время Ватопедский монастырь был очень беден. Максиму неоднократно в качестве послушания поручали собирать милостыню по греческим городам. Больше 10 лет провел инок Максим в Ватопедском монастыре и здесь мечтал окончить свои дни, но ему предстояло другое поприще.

В то время московский князь Василий III пожелал разобраться в греческих рукописях, которые привезла в Россию его мать София Палеолог. Это было не праздное любопытство, а

необходимость. На Руси было множество копий Священного Писания, сочинений святых отцов, богослужебной литературы. Переписывание церковных книг считалось делом богоугодным. Им занимались не только грамотные монахи, но даже князья и княгини. Постепенно потребность в книгах увеличилась, и списывание стало выгодным ремеслом. К нему приступали наемные писцы, не всегда сознающие важность своего труда. Так, в богослужебных книгах появилось множество ошибок. Нужно было сверить их с греческими оригиналами и исправить. Для этого Василий III отправил константинопольскому патриарху просьбу прислать ему ученого грека. Как наиболее способный, был выбран Максим. В 1518 году Максим прибыл в Москву.

Василий III принял монаха с Афона с большими почестями и поселил его в московском Чудовом монастыре. Было решено приступить сначала к переводу толковой Псалтири. По ней, после азбуки, начинали учиться читать, она же служила основой для церковной и домашней молитвы. От переводчика требовался не только греческий язык, но еще и знание богословия. Ведь грамматические неточности, накладываясь одна на другую, повлекли за собой смысловые ошибки. Перевод был выполнен и одобрен митрополитом Варлаамом. Далее Максиму была поручена работа над толкованиями святых отцов на Деяния Апостолов, толкованием святого Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна, отрывками из Ветхого Завета, некоторыми житиями святых, а также книгами, необходимыми для богослужения: Часословом, Триодью, Минеей. Максим старался тщательно исполнять все поручения. Но из-за того, что славянский язык не был родным для переводчика, иногда возникали некоторые неточности в переводах. На эти труды ушло несколько лет [Максим Грек: преподобный переводчик].

Келья ученого монаха стала местом, притягательным для образованного русского дворянства. Для беседы с Максимом приходили многие влиятельные при дворе люди. Максим Грек, как искренне верующий человек, был очень опечален тем состоянием церковной жизни, которое он увидел на Руси. Люди имели горячую веру, но не знали самых основ христианского учения [Петрушко].

Если книги против иноверцев одобрялись и царем, и народом, то сочинения о недостаточности обряда для спасения приняли в штыки. Максима обвинили в неуважении к святым обычаям предков, в неприятии всего русского. Тут же ему вспомнились исправления, которые он внес в богослужебные книги. Нападки на ученого монаха были не опасны, пока митрополитом был покровительствующий ему Варлаам, человек святой жизни. Его сменил митрополит Даниил, у которого к Максиму была давняя неприязнь. Кроме того, митрополит поручил Греку перевести церковную историю Феодорита, а тот отказался, справедливо

мотивируя тем, что в книге есть выдержки из сочинения Ария и других лжеучителей, а это может быть опасно для не наставленного в вере народа [там же].

Максим впал в немилость и у царя. В 1524 году князь Василий задумал развестись с бесплодной супругой Соломонией и вступить в новый брак с молодой Еленой Глинской. Многие льстиво одобряли решение царя. Но простодушный Максим, привыкший угождать больше Богу, чем людям, прислал царю письмо, в котором говорил, что такие поступки противны заповедям Спасителя. «Того признавай царем истинным и самодержцем, кто управляет подданными по правде и закону, а бессловесные похоти и страсти старается преодолевать в себе. Кто побеждается ими, тот не образ одушевленный Владыки Небесного, а бессловесное животное в виде человека» [Преподобный Максим Грек 2008: 24]. Князь Василий и в других случаях не любил противоречий своей воле, а уж автора такого письма не мог оставить безнаказанным. В начале 1525 года Максим был брошен в кандалах в темницу Симонова монастыря. Через несколько месяцев состоялся суд. Великий князь обвинял Максима в заговоре с иностранцами, посещавшими его келью. Но главным обвинителем выступил митрополит Даниил. Приговор был таков: Максим – еретик, сознательно портит книги. Преподобный был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь. Шесть лет провел страдалец в сырой, тесной, душной камере, терпел мучения от дыма, холода и голода. Из-за ужасных условий у него были больны глаза и ноги, а временами он приходил в оцепенение и лежал, как мертвый. Но самым тяжелым для преподобного Максима было отлучение от Церкви и святого Причастия и запрет на посещение богослужений. В заключении Максим углем на стене написал канон Святому Духу, который и сейчас читается в Церкви: «Манною питавший Израиль в пустыне в древности, и душу мою, Владыка, Духом наполни Всесвятым, да благоугодно послужи Тебе всегда...» [Петрушко].

Через шесть лет преподобный Максим опять предстал перед судом. Ему хотели добавить новые обвинения, но Максим достойно ответил на них. Тем не менее, отлучение от Церкви не было снято. Но немалым облегчением было уже и то, что Максима перевели в Отроч монастырь под наблюдение добродушного епископа Акакия. Акакий обращался с ним ласково и даже приглашал к своему столу. А будучи в Москве, упросил князя снять с узника оковы. Особенно приятно было для Максима, что он теперь мог читать книги и писать. Еще 10 лет провел он в опале, и только после этого церковное отлучение было снято. Хотя свободу ему не вернули, но постепенно, под влиянием нового митрополита Макария, в Москве стало складываться благоприятное отношение к узнику. С ним советовались по многим богословским и церковным вопросам. Наконец, в 1551 году, после 25-летнего заключения, преподобный был освобожден, мирно принят в Москве и с честью вступил в Троице-Сергиеву лавру. Здоровье его сильно пошатнулось, но дух был бодр. Ни гонения, ни

заклучения не сломили преподобного Максима. В монастыре он выполнил новый перевод Псалтири [Синицына 1977: 287].

Самое важное место в научно-литературной деятельности Максима Грека занимали филологические труды. Филология считалась у греков во все времена одной из главных наук. Объяснялось это, вероятно, тем, что для понимания великого наследия гениальных античных греческих поэтов и писателей требовалось глубокое всестороннее знание греческого языка. Поэтому в программе греческих школ едва ли не самой главной наукой почиталась грамматика. Это особое внимание к изучению греческого языка занесено было учеными греками и в соседние страны и, прежде всего, в Италию, где оно было с воодушевлением воспринято ранними гуманистами.

Максим Грек прошел все ступени филологического образования, начиная со средней школы в родном городе Арты и кончая Флорентийской академией, где он слушал лучших знатоков греческой филологии. Естественно, он знал в совершенстве все тонкости грамматического построения и других особенностей греческого языка. В России Максим Грек применил свои филологические знания, прежде всего, в области переводов греческих текстов на русский язык. По количеству переводных трудов Максима Грека составляют почти третью часть его литературного наследия, но по объему они занимают еще более значительное место. Между тем переводные труды Максима Грека представляют собой памятник русской литературы исключительной важности, содержащий, прежде всего, богатейший материал для истории развития русского языка в смысле грамматического построения и словарного состава. Поскольку русская книжность того времени, особенно в церковно- религиозной области, в сильной степени зависела от греческих источников, Максим Грек хотел поставить дело перевода греческих книг на русский язык на строго научную почву. Поэтому он, прежде всего, предупреждает русских книжников, намеревающихся заняться переводами с греческого, что греческий язык очень трудный и требует упорного изучения [Преподобный Максим Грек 1894: 314-315]. Для правильного перевода русский книжник должен знать, по словам преподобного Максима, в совершенстве греческий язык. Но этого мало. Максим Грек требовал от переводчика широкого образования и, во всяком случае, глубокого знания тех наук, которые считались основными в классических средневековых школах: грамматики, пиитики, риторики и философии. Примеры допущенных русскими переводчиками ошибок по недостаточному знанию греческого языка и особенно грамматики Максим Грек приводит в следующих своих сочинениях: «Исповедание православной веры»; «Сказание о еже како подобает известности исповедание православной веры»; «Слово отвещательно о исправлении книг русских» ; «Слово отвещательно о книжном исправлении». По-видимому, во времена

Максима Грека на Руси встречались странствующие учителя, которые, зная несколько фраз по-гречески, ложно выдавали себя за знатоков греческого языка, способных переводить греческие книги на русский язык. Чтобы предохранить русскую книжность от засорения неправильными переводами, Максим Грек составил своеобразное пособие для русских книжников, с помощью которого можно было проверить знание греческого языка каждого самозванного учителя («пришельца философа») и подготовленность его к переводу греческих книг. Пособие это представляло собой сочинение на тему: «Како подобает входить во святыя Божия храмы», написанное на греческом языке в стихотворной форме «мерою ироискою» (гекзаметр) и «елегийскою» (пентаметр), всего 16 стихов [Иванов: 177]. К сочинению приложены точный его перевод на славяно-русский язык и толкования. Как указывалось в статье-предисловии «О пришельцах философах» [Преподобный Максим Грек 1894: 286-288], испытание странствующего учителя должно было состоять в том, что он обязан был прочесть, точно перевести на русский язык и растолковать указанное стихотворное сочинение Максима Грека в соответствии с приложенным переводом. Только выдержавший испытание мог быть допущен к переводу греческих книг.

Переводческая деятельность Максима Грека также связана с исправлением некоторых богослужебных книг, и его работы и наставления о научной постановке дела переводов имели в дальнейшем большое влияние на состояние русской письменности, особенно церковной. И отдельные книжники, и церковная организация в целом стали обращать серьезное внимание на упорядочение книжного дела как в смысле исправления ошибок, вкравшихся в переводные произведения в прошлом, так и в смысле предупреждения их появления в будущем.

До Максима Грека на Руси не было грамматики и все грамматические знания русских книжников ограничивались знакомством с небольшим сочинением, под заглавием «О восьми частях слова» [Иванов: 182]. Практически никакого представления о грамматических правилах у них не было. Максим Грек впервые познакомил русских книжников с этими правилами, определяющими законы языка. Правда, он не создал полной славяно-русской грамматики (по недостаточному, вероятно, знанию славяно-русского языка), но оставил после себя несколько замечательных статей по отдельным грамматическим вопросам. Первое (по-видимому) свое небольшое грамматическое сочинение Максим Грек озаглавил «О грамматике». Оно содержит восторженные и вместе с тем глубокие высказывания о важности и пользе грамматики, как части философии. Вторая работа Максима Грека по вопросам грамматики озаглавлена «О греческих гласных и согласных, о слогах, о надсловных греческих и славянских знаках». Статья служит наглядным свидетельством того, что Максим Грек стремился познакомить русских книжников с особенностями греческого алфавита, и в

первую очередь с довольно сложными правилами ударений в греческом языке, для возможного применения теоретических знаний к славяно-русскому языку [Иванов: 185].

Особого внимания заслуживают сочинения Максима Грека о грамматике общего характера, в которых он ревностно доказывает высокие достоинства грамматики как науки и исключительную важность ее в области не только перевода и исправления книг, но и общего образования. Так, в сочинении «Предисловие к грамматике», принадлежащем, по мнению А. Иванова, Максиму Греку, содержатся восторженные похвалы грамматике в качестве наставлений юношам, приступающим к изучению этой науки. В другой своей статье под заглавием «Беседование Максима Грека о пользе грамматики» преподобный Максим с такой же ревностью защищает важность и пользу грамматики, ссылаясь на авторитеты выдающихся древних церковных писателей: Святого Дионисия, Святителя Григория Богослова, Святителя Иоанна Златоуста и преподобного Иоанна Дамаскина, а также древних языческих мудрецов: Аристотеля, Вергилия и других, высоко ценивших эту отрасль знания. Немало высказываний Максима Грека о важности и пользе грамматических правил и их применении встречается в лексикографических его сочинениях [там же].

Таким образом, Максим Грек, хотя и не успел создать систематического руководства по грамматике, но его статьи по отдельным важнейшим вопросам грамматики были настолько содержательны, что легли в основу дальнейших специальных грамматических исследований уже русских книжников.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что грамматические и лексикографические труды Максима Грека оставили глубокий след в русской филологической науке. Максим Грек жил в России в эпоху огромных сдвигов в русской экономике в сторону развития товарно-денежного хозяйства и в общественно-политической жизни в связи с объединением русских земель вокруг Москвы и образованием могущественного национального, а потом и многонационального государства. Всё это создавало предпосылки для всестороннего культурного оживления и подъёма. Естественно, нельзя представлять Максима Грека «первым апостолом в России при начале ее цивилизации», «первым просветителем невежественных русских». Он лишь способствовал дальнейшему и более быстрому развитию тех прогрессивных сдвигов в культурной жизни России, которые намечались уже до него. В этом отношении его влияние было весьма многосторонним. Его литературная деятельность по переводу и исправлению книг способствовала ознакомлению русских книжных людей с принципами и методами научно-критической работы с письменными памятниками, а его грамматический разбор молитв «Отче наш» и «Царю Небесный», а также опыты применения грамматических правил греческого языка к славяно-русскому языку послужили началом развития русской

грамматической науки и исходным материалом для последующих «Грамматик» М. Смотрицкого, М. Ломоносова и Русской, изданной Академией наук в 1802, 1809, 1819 гг. [Иванов 186]. Труды Максима Грека словарно-энциклопедического характера явились как бы завершением его научно-литературной деятельности в России.

Литература

1. Филарет (Гумилевский Г.Д.). История Русской Церкви. – Ч. III. – М., 1848.
2. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. – Кн. I. – М. : , 1881.
3. Архангельский А.С. Образование и литература в Московском государстве конца XV–XVII вв. – Вып. I. – Казань, 1898.
4. Сперанский М.Н. История древней русской литературы. – М., 1921.
5. Алексеев М.П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.). – М., 1958.
6. Иванов А.И. Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности. // Богословские труды XVI. – С. 142-187. [Электронный ресурс] – : http://www.btrudy.ru/resources/BT16/142_Ivanov.pdf
7. Петрушко В. Преподобный Максим Грек [Электронный ресурс] : http://happy-school.ru/publ/prepodobnyj_maksim_grek/50-1-0-13318
8. Сеницына Н.В. Максим Грек. – М., 2008. [Электронный ресурс] : <http://www.ex.ua/view/11483787?r=11483699,11278002>
9. Максим Грек: преподобный переводчик [Электронный ресурс] : http://www.pravda.ru...-maxim_grek-0/#
10. Преподобный Максим Грек. Сочинения в 3-х т. – Том I. – М. , 2008.
11. Сеницына Н.В. Максим Грек в России. – М., 1977.
12. Преподобный Максим Грек. Сочинения в 3-х ч. – Ч. II. – Казань , 1894.
13. Преподобный Максим Грек. Сочинения в 3-х ч. – Ч. III. – Казань , 1894.

Sitko A., Zhuravliova O. The Translator's Work in the Context of His Time: the Case Study of Maximus the Greek's Life and Translation Activities.

The article deals with the historical time factor which influences vision and activity of the translator as a value-oriented information guide. The first professional Russian translator Venerable Maximus the Greek is well-known in the history of translation studies as an outstanding writer, publicist as well as the Saint. Maximus the Greek set a brilliant example of a human and professional courage. He left to descendents his theoretical and practical works in the sphere of translation.

Key words: Venerable Maximus the Greek, the “translator ↔ his time” interference, historical time factor, Psalter, the Gospel, the Acts of Apostles.

References

1. Philaret of Glinsk Hermitage. The History of Russian Church
2. Zhmakin V. Daniel, Metropolitan and his Works
3. Arkhangelsky A.S. The Education and Literature in Muscovite State during XV–XVII centuries
4. Speransky M.N. The History of Old Russian Literature
5. Alekseyev M.P. Humanism Phenomena in Old Russian Literature and Political Writing
6. Ivanov A.I. Maximus the Greek as a Scientists in front of Modern Russian Accomplishments
7. Petrushko V. Venerable Maximus the Greek
8. Sinitsina N.V. Maximus the Greek
9. Maximus the Greek: Venerable Translator
10. Venerable Maximus the Greek. Writings in 3 parts.
11. Sinitsina N.V. Maximus the Greek in Russia